

²³ Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи... С. 191.

²⁴ Там же. С. 190.

²⁵ Фихте И. Г. О назначении ученого... С. 76: «...Взаимодействие посредством свободы — положительный признак общества».

²⁶ См.: Fichte J. G. Nachgelassene Werke. Hrg. von J. G. Fichte. Bonn, 1845. Bd. 3. S. 4, 38, 43 u. a.

²⁷ Fichte J. G. Sämmtliche Werke... Bd. 2. S. 434.

²⁸ Op. cit. S. 431, 529.

²⁹ Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи... С. 197.

³⁰ Гейне Г. Собр. соч. М.: Худож. лит., 1958. Т. 6. С. 126.

³¹ Fichte J. G. Nachgelassene Werke... Bonn, 1834. Bd. 2. S. 496.

³² Fichte J. G. Sämmtliche Werke... Bd. 2. S. 437.

³³ Фихте И. Г. Назначение человека... С. 93.

«МИХАЭЛЬ КОЛЬХААС» КЛЕЙСТА В СВЕТЕ ЭТИКО-ПРАВОВОГО УЧЕНИЯ И. КАНТА

С. Л. Калининков

(Калининградское высшее инженерное морское училище)

Известно, что новаторская этико-правовая философия Канта оказала значительное влияние на духовную жизнь эпохи. Ни один мыслитель после Канта не мог не определять своего отношения к позициям, занятым философом в сфере практического сознания, не мог не примерять их для себя, не подвергать их «проверке» на действительную практическую эффективность. Генрих фон Клейст в своей художественной практике неизбежно должен был выразить и выразил сходное с кантовским понимание морали и права. Это сходство обусловлено не только эпохой, в которой жили Кант и Клейст, но и тем, что Клейст проявлял глубокий интерес к изучению философии Канта.

Анализ произведений Клейста с точки зрения идей этико-правовой философии Канта позволяет, на наш взгляд, глубже увидеть специфику Клейста-художника, способствует уточнению и конкретизации понимания метода писателя, что и входит в задачу настоящей статьи. Нельзя, разумеется, не учитывать степени понимания Клейстом кантовских идей. Как многие современники Канта, так и их потомки очень часто слишком односторонне толковали идеи великого мудреца.

В литературоведческой традиции сложились следующие основные направления анализа творчества Клейста и в том числе значительнейшего его произведения — «Михаэль Кольхаас».

Франц Меринг¹, высоко в целом оценивая художественные достоинства новеллы, видит ее недостаток в тенденциозности, находя в «Кольхаасе» лишь попытку пригрозить королю Саксонскому как наполеоновскому вассалу позорной гибелью всего его рода. Особенности новеллы Меринг склонен объяснять более всего социальной принадлежностью и фактами биографии Г. Клейста.

В. М. Жирмунский, отмечая, прежде всего, связь Клейста с романтизмом, выделяет как основополагающее в этой связи влияние на него философии Канта. Для Жирмунского главным в этом влиянии является вывод, сделанный Клейстом из чтения «Критики чистого разума»: «Он вынес, как и многие другие его современники, впечатление, что истинное знание, т. е. знание вещей в себе, невозможно и что мы осуждены на существование в мире явлений, среди субъективных видений нашего индивидуального сознания»². Тему «Кольхааса» он видит в восстании личности против государства, интерпретируя ее романтически³. Он также отмечает нарушение единства повести эпизодом с курфюрстом Саксонским, фиксируя, что эпизод этот отсутствовал в первоначальном замысле «Михаэля Кольхааса».

В. Д. Демченко в статье «Специфика исторического конфликта в «Михаэле Кольхаасе» Клейста»⁴ определяет основной конфликт новеллы как конфликт личности и государства, однако, видит в нем своеобразную реалистическую трактовку исторической хроники.

А. Карельский⁵, отмечая влияние Канта на Клейста, в то же время склонен считать, что на литературное творчество писателя скорее оказали влияние идеи Руссо.

Интересную попытку положить в основу методологии анализа творчества Клейста соотнесение концепций Канта и Клейста делает Р. Ф. Яшенкина. Она связывает влияние философа на писателя с проблемами «свободной деятельности человеческого индивида, жизненного выбора в определенных условиях»⁶. Вместе с тем, соотнося этико-правовые концепции Канта с образом курфюрста, а остальные образы драмы трактуя как попытку автора переосмыслить взгляды философа, Р. Ф. Яшенкина недостаточно точно, на наш взгляд, понимает Канта и интерпретирует Клейста.

В начале новеллы Кольхаас получает противоречивую характеристику «одного из самых справедливых, но и самых страшных людей того времени». «Необыкновенный этот человек до тридцатого года своей жизни по праву слыл образцом достойного гражданина... люди благословляли бы его память, если бы он не перегнул палку в одной из своих добродетелей, ибо чувство справедливости сделало из него разбойника и убийцу»⁷. Кольхаас, как показано в повести, существует по принципу справедливости, которой он требует и от других. Понимание Клейстом справедливости, на наш взгляд, близко к требованиям кантовского категорического императива права: поступи внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого.

Противоречие, возникшее между юнкером фон Тронка и Кольхаасом (юнкер Венцель фон Тронка использовал коней последнего в своих личных интересах, превратив их в одров и не возмещая убытков,) может быть рассмотрено как противо-

речие, находящееся в системе кантовской теории частного права. Одна из существенных сторон частного права у Канта — право собственности, которое, согласно Канту, является априорным требованием нашего разума. Поэтому ущемление права собственности барышника Кольхааса является нарушением требований справедливости (всеобщего правового закона). По сюжету повести Кольхаас, не найдя справедливости у юнкера, начинает искать защиту своего права у государства. Он «твердо решает добиться ее (справедливости.— С. К.) по суду»⁸. Причем речь здесь идет не только о справедливости по отношению к нему лично, но и о справедливости для его сограждан: «В то же время другое, но столь же верное чувство, все прочнее в нем укоренявшееся по мере того, как он продвигался вперед и всюду, куда бы ни заезжал, слышал разговоры о несправедливостях, что ни день чинимых проезжим людям в Тронкенбурге, говорило ему, что если все происходящее, — а на то было похоже, — нарочно подстроено, то он, человек недюжинной силы, обязан добиться удовлетворения за обиду, ему нанесенную, и впредь оградить своих сограждан от подобной участи»⁹. Таким образом, проблематика новеллы затрагивает уже не только частное право, по Канту, но и публичное право.

Будучи гражданином, Кольхаас требует у государства обеспечения своих прав. В стремящемся к благу государстве, согласно Канту, «забота о соблюдении справедливости должна... безусловным образом ставиться на первый план во всех действиях власти. Любые другие цели и задачи являются вторичными по отношению к ней»¹⁰. Однако Клейст конструирует ситуацию, когда существующая власть (курфюрст Саксонский и его окружение) не выполняет ни одного требования, пердъявляемого Кантом к власти, стремящейся к справедливости.

Кольхаас, исчерпав все средства добиться справедливости и обеспечить свои права, становится перед выбором: либо закрыть глаза на несправедливости и жить при условиях полнейшей незащищенности своих прав, либо попытаться изменить существующее государственное устройство, а именно, вопреки действиям власти, все-таки наказать фон Тронка за совершенные тем преступления, учиненную несправедливость. Кольхаас выбирает последнее: «Я не могу жить в стране, которая не защищает моих прав... Мои права должны быть ограждены, я должен постоять за них»¹¹.

Вопрос о возможности протеста против существующей государственной власти, по общему мнению кантоведов, крайне сложен и неопределен в философии Канта. Э. Ю. Соловьев, отвечая на вопрос: «Может ли сопротивление государственной власти получить также и внешнее выражение?», — пишет: «Ответ на данный вопрос — одно из самых темных мест в кантовской философско-правовой концепции. Кант достаточно опре-

деленно говорит, что внутреннее сопротивление режиму, далекому от идеала «правового государства», как бы оно ни было морально правомерно, никогда не должно выливаться в бунт, мятеж, демонстративное неповиновение властям». Вместе с тем Э. Ю. Соловьев считает, что протест, по Канту, возможен как внутреннее (моральное) неповиновение при внешнем (правовом) подчинении. В случае, когда моральное отчуждение от власти достигает своего предела и деспотический режим все-таки не реформирует своего правления, доводя дело до революции, «его судьба становится безразличной для индивидов, ориентирующихся на правовой идеал. Борьбу этого государства с мятежниками они вправе рассматривать теперь как стихийно-силовой конфликт, одобрения в котором заслуживает победитель»¹². Анализируя живую социальную действительность, Клейст приходит в противоречие с умозрительной кантовской схемой, когда все индивиды морально отвергают действия власти. И хотя в новелле указывается на широкую поддержку Кольхаасова протеста, оснований для вывода о том, что моральное отчуждение достигло своего предела, у Клейста нет. Этого полного морального отчуждения и не может быть в конкретной социальной действительности.

Клейст показывает, что путь простого морального отворачивания от власти не приводит к защите прав. Кольхаас отвергает религиозную заповедь «прости врагам своим» как оправдывающую любые преступления. Поэтому Кольхаас берет на себя функцию устроения лучшего миропорядка, провозглашая себя «наместником архангела Михаила, сошедшего с небес, чтобы огнем и мечом покарать весь мир, погрязший в пороках и коварстве,... всех, кто станет на сторону юнкера»¹³.

Следует отметить, что, осмысливая феномен восстания, Кант замечает: «Восстание подданных противоречит самому себе, а терпеливое повиновение — их счастье, что оказывается решающим (они никогда не имеют права сопротивляться и все же сопротивляются, т. е. отказываются, чтобы над ними совершали морально непозволительное, и потому претерпевают все)»¹⁴.

Е. А. Голиков¹⁵ считает, что положительное отношение Канта к революции — важнейший методологический принцип понимания его философии. Вместе с тем, по Канту, правовое состояние не должно прерываться, а бунт, мятеж или революция являются возвратом к естественному состоянию. В новелле Кольхаас, восставая против государственного порядка (хотя он практически равен отсутствию такового), противопоставляет себя государственной власти, как в естественном состоянии один индивид другому. Поэтому Кольхаас в Кантовой системе может рассматриваться как мятежник, нарушающий непрерывность государства. Но этот мятеж — как бы и не мятеж, так как требования Кольхааса справедливы и общественный договор первоначально нарушен не им. Поэтому, взятые с внешней

стороны, действия Кольхааса не могут быть признаны невозможными для кантовской философии.

В стремлении любыми средствами добиться справедливости Кольхаас сам начинает осуществлять огромное количество преступлений и насилий, несовместимых со свободой совершенно посторонних граждан. Но вместе с тем часть народа поддерживает Кольхааса: «Общественное мнение ... угрожающим образом приняло сторону этого человека, ибо даже в трижды сожженном Виттенберге нашелся голос, поднявшийся в его защиту»¹⁶. Клейст изображает выход Кольхааса за рамки существующей моральной и правовой системы, представляя таким образом конфликт между должным — идеальным правовым требованием — и сущим — эмпирической, далекой от идеала действительностью. Фактически, осуществляя свое намерение, Кольхаас выполняет функцию государства, сочетая в своем лице и законодательную, и исполнительную, и судебную власть, что, по Канту, является величайшим деспотизмом. (Кант, как известно, — горячий сторонник разделения властей, которое представляет собой гарант правосознания государства). Кроме того, по Канту, сама законодательная власть может быть лишь коллективным творчеством народа. Именно поэтому безуспешны попытки Кольхааса восстановить справедливость, а конфликт имеет тенденцию расширяться, все более удаляясь от разрешения.

В новелле Клейст относит протест Кольхааса сначала непосредственно лишь к юнкеру фон Тронка, но исходя из самой логики повествования, конфликт этот выходит далеко за рамки непосредственных отношений Тронка и Кольхааса в сферу глубинных социальных его причин. Клейст показывает трудности, если не невозможность, решить конфликт вооруженным способом. В конце концов Кольхаас сам отказывается от попыток довести конфликт до разрешения путем вооруженной борьбы, видя бесполезность этого пути в сложившихся условиях.

В разговоре с Мартином Лютером Кольхаас заявляет: «Отторгнутым ... я называют того, кому отказано в защите! А я в ней нуждаюсь для процветания мирного моего промысла, за помощью обращаюсь я к обществу, за охраной того, что мне принадлежит, и тот, кто в ней мне отказывает, изгоняет меня к дикарям в пустыню, дает мне в руки дубину для самозащиты»¹⁷. Антагонизм личности и государства, не выполняющего своих функций, неизбежен и согласно Канту, и согласно Клейсту. Лютер, по Клейсту, предстает сторонником неподотчетности высшей власти гражданам, относит вину за нарушения только к подданным: «Если государевы слуги за его спиной кладут под сукно судебные дела или еще как-нибудь злоупотребляют его неведением, его священным именем, кому же, кроме господ бога, спрашивать с него ответа за выбор дур-

ных слуг, а тебе, богоотступник, тебе, страшный человек, кто дал тебе право судить его?»¹⁸

Разговор с Лютером, имеющий особое значение в ходе развития действия новеллы, приводит Кольхааса к новой попытке добиться справедливости у государства. Он как бы принимает мысль Лютера о том, что государь, узнавши его дело, в состоянии решить его по справедливости. В ходе решения дела Кольхааса курфюрст Саксонский выслушивает мнения своих ближайших подданных, вынося решение на основании их суждений. Дальнейшее развитие сюжета новеллы показывает, что осуществилась только видимость правосудия, в действительности же продолжает твориться беззаконие. Как и раньше, Кольхаас в своих попытках осуществить справедливость наталкивается на полнейшую несогласованность законодательной и исполнительной властей (признак деспотизма), при которой осуществление справедливого решения невозможно. Амнистия, дарованная ему курфюрстом Саксонским, оказывается нарушенной ближайшими подданными курфюрста, действующими каждый из своих личных эгоистических побуждений, а не из обязанности соблюдать закон. Так получается, что тезис Лютера о неподчиненности верховной власти оказывается ложным.

Возникает ситуация, уже однажды представленная Клейстом: у Кольхааса нет другой возможности добиться справедливости, кроме той, которая состоит в освобождении от власти курфюрста Саксонского, «ибо его до глубины души оскорбляло мнимое соблюдение законов правительством, которому он подчинялся, тогда как на самом деле амнистия, этим правительством дарованная, тут же оказалась нарушенной»¹⁹. Вывод о том, что последовательно добиваться справедливости в условиях деспотизма можно только путем применения силы к силе, хотя в то же время этот путь бесперспективен, становится естественным и неизбежным. Этот вывод близок к Канту в том, что в условиях отказа деспотической системы правления реформировать себя, вооруженные попытки изменить государственное уложение неизбежны.

Правление курфюрста Саксонского можно в кантовской системе представить как аристократическое по форме господства и деспотическое по форме правления (рассогласование исполнительной и законодательной властей). «А при аристократии,— пишет Кант,— уже труднее, чем при монархии, достигнуть этого единственно совершенного правового устройства, а при демократии его можно достигнуть только путем насильственной революции» (6, 270). Такой власти Кант противопоставляет монархию, где монарх рассматривается в качестве носителя объединенной законодательной власти народа, которому строго подчиняется высший представитель исполнительной власти. Совершенное государство (государство, стремящееся к справедливости — максимальному согласованию правления

с априорными принципами, категорическими императивами), по Канту, само должно стремиться к решению возникающих конфликтов на принципах права. Таким образом, максима Лютера, принятая Кольхаасом, не приводит к восстановлению справедливости.

Государственное устройство, правитель, близкие к идеалу, в новелле оказывающиеся способными разрешить конфликт на принципах справедливости, представлены Клейстом в лице курфюрста Бранденбургского и его подчиненных. Случайно узнав о несправедливости, творимой над Кольхаасом, курфюрст Бранденбургский добивается признания Кольхааса своим подданным, производит справедливое расследование и суд, справедливость которого признается и самим Кольхаасом, и всем народом. Принципы правления курфюрста Бранденбургского могут быть соотнесены с кантовской идеей государства, основывающегося на принципах всеобщего правового закона, хотя идеальным, согласно Канту, может быть лишь республиканское государственное устройство в условиях демократии.

В новелле проведено сопоставление двух государственных устройств и двух правителей сообразно с кантовским пониманием деспотического и истинно республиканского правления. Если в одном из них возможна несправедливость и невозможно ее устранение, то в другом справедливость свершается. В одном случае, добиваясь суда, Кольхаас его не получает, в другом случае, суд свершается независимо от него; при этом Клейст подчеркивает, что курфюрст Саксонский и его окружение создают только видимость разрешения ситуации, находясь перед проблемой сохранения власти; курфюрст же Бранденбургский действует исключительно из любви к справедливости. Таким образом, благодаря вмешательству курфюрста Бранденбургского конфликт Кольхааса с Венцелем фон Тронка вместе с осложнившимися его самоуправными действиями Кольхааса получает, наконец, свое разрешение: юнкер фон Тронка наказывается, Кольхаас же получает возмездие сообразно с масштабом свершенных им поступков.

Восстановление справедливости, по Канту, потребовало бы устранения от власти курфюрста Саксонского как неспособного обеспечить соблюдение основных принципов гражданского состояния и как первопричины возникшего конфликта и связанных с ним нарушений и насилий. Естественно, что такого радикального вывода Клейст сделать не может. Поэтому разрешение конфликта Кольхаас — курфюрст Саксонский приобретает мистический оттенок.

Своеобразный вставной рассказ, осложняющий действие, на наш взгляд, нужен Клейсту, чтобы показать, что там, где отсутствует право, где нарушается свобода личности, никто, даже правитель, не может быть свободен, ничей интерес не может быть соблюден без ущемления воли. Так курфюрст Сак-

сонский попадает в зависимость от Кольхааса, и тот, когда уже свершилось правосудие, которого он добивался, тем не менее не отдает курфюрсту записку, представляющую для последнего главный интерес и ради которой тот готов забыть все нанесенные ему Кольхаасом обиды. В условиях, когда заветнейшая мечта Кольхааса сбылась, его поведение легче всего объяснить мстительностью, если не учесть, однако, от природы данной ему справедливости. Скорее всего, дело в другом. Кант считал, что государство к благу заставляет стремиться категорический императив, где под благом понимается высшая степень согласованности государственного устройства с правовыми принципами. Точнее, государство, следующее нормам морали и права, укрепляется внутренне, а значит и внешне, а нарушающее эти нормы рано или поздно должно распасться. Кроме того, согласно Канту, человечество в целом движется, приближаясь к требованиям категорического императива, поэтому там, где нет права сейчас, в будущем оно непременно должно быть. Так и у Клейста: восстановление справедливости и прав там, где они попорчены, через вмешательство посторонних сил все же состоится в будущем, за достоинства отца воздастся детям Кольхааса.

Кант представляет индивида как сознающего и способного провести в жизнь требования категорического императива. Знание человеком своего долга, способность противопоставить это знание любому внешнему воздействию приводит к признанию за государством права карать его за нарушения долга. При этом внутреннее осознание отклонений от требований категорического императива целиком принадлежит индивиду. «Способность человека «давать себе закон» и без всякого внешнего принуждения бороться за осуществление этого закона Кант называет моральной автономией. Последняя как нравственно конституированная свобода воли требует для себя простора в виде «внешних», «гражданских» свобод. Правопорядок есть поэтому социальное пространство человеческой моральности»²⁰.

В новелле Кольхаас поступает именно как личность, осознающая требования морали, обладающая «моральной автономией». Это находит отражение, во-первых, в том, что Клейст постулирует изначально присущую Кольхаасу справедливость, и, во-вторых, в том, что эту справедливость Кольхаас отстаивает даже вопреки внешнему воздействию власти: несмотря на отрицательные резолюции по его прошениям, Кольхаас не прекращает попыток восстановить справедливость. Таково главное и наиболее общее сходство в понимании человеческой моральности Кантом и Клейстом, но как раз в силу своего основополагающего значения для обоих оно (это сходство) неизбежно порождает сходные противоречия. Формулировка такого понимания человеческой личности, являющаяся заслугой

И. Канта, была, безусловно, принята Клейстом; именно в этом (а не в том, что, испуганный непознаваемостью мира вещей в себе, Клейст обратился к романтизму (Жирмунский), хотя возможность такого понимания ранние произведения Клейста действительно дают) состоит истинное влияние Канта на Клейста и одновременно особенность Клейста-художника, с данных позиций, абстрактно-гуманистических в своей основе, пытающегося подойти к сложным противоречиям конкретной социальной действительности.

Анализ конфликта повести показывает, что в государстве, деятельность которого не соответствует принципу справедливости, личность, исходящая из максимы всеобщего правового закона, не получает и не может получить обеспечения своих прав, в то время как в государстве, устроенном по принципу справедливости (стремящемся к благу), права каждой личности гарантируются.

Взгляд на содержание «Михаэля Кольхааса» с этой точки зрения позволяет углубить его понимание, избавиться от противоречий, присущих попыткам рассматривать творчество Клейста без учета этой стороны дела. В частности, с данной точки зрения своеобразный вставной рассказ в новелле органично входит в ее структуру, и даже если, как утверждает ряд исследователей, первоначально он не входил в замысел, то тем не менее должен был быть включен в произведение, исходя из логики конфликта.

Если понимать конфликт повести не как протест личности против существующего государственного устройства, а как более общий конфликт между должным и сущим, осмысленный в русле идей философии Канта, с ее абстрактно-гуманистической теорией морали и права, то замысел новеллы предстает как единый и цельный по своему исполнению.

¹ См.: Меринг Ф. Литературно-критические работы: В 2-х т. М.; Л., 1934. Т. 1.

² Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур. Л.: Наука, 1981. С. 83.

³ См. там же. С. 95—96.

⁴ Демченко В. Д. Специфика исторического конфликта в «Михаэле Кольхаасе» Клейста//Проблемы метода, жанра и стиля. Зарубежная литература. Днепрпетровск, 1975. Вып. 2.

⁵ См.: Карельский А. О. О творчестве Генриха фон Клейста//Клейст Г. Избранное. М.: Худож. лит. 1969. С. 83.

⁶ Яшенкина Р. Ф. Своеобразие художественного метода Г. Клейста в драме «Принц Гомбургский» (Клейст и правовые концепции Канта)//Зарубежная литература: Проблемы метода. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. Вып. 1. Мирозрение и метод. С. 43.

⁷ Клейст Г. Избранное. С. 421.

⁸ Там же. С. 432.

⁹ Там же. С. 427.

¹⁰ См.: Философия Канта и современность. М.: Мысль, 1974. С. 217.

¹¹ Клейст Г. Избранное. С. 438.

¹² Соловьев Э. Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права//Философия Канта и современность... С. 224.

¹³ Клейст Г. Избранное. С. 448.

¹⁴ См.: Кант И. Фрагменты из подготовительных материалов к «Метафизике нравов» (философия права)//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1984. Вып. 9. С. 101.

¹⁵ Там же. С. 110—111.

¹⁶ Клейст Г. Избранное. С. 455.

¹⁷ Там же. С. 451.

¹⁸ Там же. С. 452.

¹⁹ Там же. С. 472.

²⁰ Соловьев Э. Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права... С. 208.

КАРЛ РОЗЕНКРАНЦ И ЕГО «ИСТОРИЯ КАНТОВОЙ ФИЛОСОФИИ»

Ш. Дитци

(Центральный институт философии АН ГДР)

Имя Карла Розенкранца открывает список имен целого ряда видных представителей немецких буржуазных историков философии XIX столетия, таких как Эдуард Эрдманн, Фридрих Юбервег, Эдуард Целлер и Куно Фишер. Его творчество начинается (около 1830-х г.) в период ломки общественных и духовных форм, воспринимающихся в первую очередь как формы упадка; в этот переходный период он предвидит, прежде всего, упадок немецкой классической философии, главным образом, гегельянства.

Одновременно с этим он видит себя — и это болезненно осознается им — в одном ряду с поколением эпигонов, явно опоздавших: «Свое несчастье я вижу в том, что я в такой же малой степени философ, как Михелет, Габлер, Хинрих, Фихте (И. Х.), Вайсе, в какой им является вообще все молодое поколение в смысле Шеллинга, Гегеля, Фихте. Эти были оригиналы, какими мы не являемся»¹.

Перед лицом подобного сомнения в себе мы тем не менее должны восхищаться той самодисциплиной, которая позволила ему из недавней литературной и философской посредственности стать чрезвычайно продуктивным (в Кантовом смысле) самостоятельным мыслителем, мастерскими произведениями которого мы восхищаемся и сегодня (например, его «Жизнью Гегеля») или которые нам еще предстоит открыть, как, скажем, «Историю Кантовой философии».

Однажды Карл Розенкранц указал на свой «императив», которым он руководствовался: «Я хочу писать настолько современно, чтобы можно было думать, что я живу не в затхлом Кенигсберге, а только что прибыл из Вевея, где завтракал с Генрихом Гейне»².

Карл Розенкранц родился 23 апреля 1805 г. в Магдебурге. В то время город входил (будучи под французской оккупацией)